

УДК 811.511.131#373:633.2

DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-84-90

ЛЕКСИКА ЛУГОВОГО ЛАНДШАФТА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**А. Н. Ракин***Институт языка литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Россия*

Статья посвящена обозначениям лугового ландшафта в удмуртском языке, которые представляют собой один из пяти компонентов ландшафтной лексики суши. Как самостоятельная микросистема данная лексико-тематическая группа имеет свою структурную организацию, обладает индивидуальным составом объектов номинации и предназначенным для их обозначения конкретным набором лексических единиц. Анализ фактического материала, относящегося в основном к удмуртскому литературному языку, проводится с применением как диахронических, так и синхронных методов лингвистического исследования. На семантическом уровне в составе лексики лугового ландшафта различаются однозначные и многозначные слова, которые все без исключения обладают прямым значением. Исходя из предметно-понятийного содержания номинативных единиц, вся совокупность рассматриваемых названий, в соответствии с их денотативными признаками, распределяется по пяти основным подгруппам. С помощью сравнительно-исторического метода исследования представлена иерархия исконной части лексики лугового ландшафта удмуртского языка, которая характеризуется наличием трех компонентов древней лексики: прауральского, прафинно-пермского и прапермского. Часть исконной лексики, возникшей в период самостоятельного существования удмуртского языка, не имеющей генетических соответствий в других родственных языках, анализируется с учетом особенностей структурно-словообразовательной системы, состоящей из однословных обозначений, двучленных образований в слитном написании и составных названий. В качестве критерия классификации одночленных лексем в работе использована производность или непроизводность анализируемых слов, а для составных конструкций, состоящих из двух, трех и четырех слов – их принадлежность к соответствующим частям речи. Иноязычный компонент удмуртской лексики лугового ландшафта состоит из немногочисленных по своему составу заимствований, проникших из соседних тюркских языков.

Ключевые слова: удмуртский язык, лексика, обозначения лугового ландшафта, исконный фонд, заимствования.

Для цитирования: Ракин А.Н. Лексика лугового ландшафта в удмуртском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 1. С. 84–90. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-84-90

VOCABULARY OF THE MEADOW LANDSCAPE IN THE UDMURT LANGUAGE**A. N. Rakin***Institute of Language, Literature and History, FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktывkar, Russia*

The paper deals with the designations of the meadow landscape in the Udmurt language, which are one of the five components of the landscape vocabulary of the land. As an independent microsystem, this lexical-thematic group has its own structural organization, has an individual composition of the objects of nomination and a specific set of lexical units intended for their designation. The analysis of the actual material relating mainly to the Udmurt literary language is carried out using both diachronic and synchronous methods of linguistic research. At the semantic level in the vocabulary of meadow landscape there are unambiguous and polysemantic words, which all without exception have a direct meaning. Based on the subject-conceptual content of nominative units, the whole set of names under consideration, in accordance with their denotative characteristics, is divided into five main subgroups. Using the comparative historical method of research, the hierarchy of ancestral vocabulary of the meadow landscape of the Udmurt language, which is characterized by the presence of three components of the ancient vocabulary: proto-Uralic, proto-Finno-Permian and proto-Permian, is represented. Part of the original vocabulary that arose during the period of independent existence of the Udmurt language, which has no genetic correspondences in other related languages, is analyzed taking into account the peculiarities of the structural and word-formation system, consisting of one-word designations, binomial formations in merged writing and compound names. The derivation or non-derivation of the analyzed words is used as a criterion of classification of one-member lexemes, and for composite constructions consisting of two, three and four words – their belonging

to the corresponding parts of speech. The other-language component of the Udmurt vocabulary of the meadow landscape consists of a few borrowings that have come from neighboring Turkic languages.

Keywords: the Udmurt language, vocabulary, meadow landscape designations, primordial fund, borrowings.

For citation: Rakin A.N. Vocabulary of the meadow landscape in the Udmurt language. *Vestnik of the Mari State University*. 2020, vol. 14, no. 1, pp. 84–90. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-84-90 (In Russ.).

Введение

Обозначения лугового ландшафта представляют собой один из компонентов ландшафтной лексики суши, составными частями которой также являются следующие группы названий:

1) рельефно-ландшафтная микросистема, состоящая из: а) обозначений возвышенностей (*лэгвыр* «возвышенность», *гурезь* «гора», *бордос* «холм», *лэг* «бугор», *изъяр* «скала», *ял* «грива» и т. д.), б) лексики равнинного ландшафта (*чюшал* «равнина», *нэжал* «долина» и т. д.), в) лексики низменного ландшафта (*улыг* «низменность», *нюк* «овраг», *уркырем* «ров», *гон* «ложбина» и т. д.);

2) обозначения лесного ландшафта (*нюлэс* «лес», *лысо нюлэс* «хвойный лес», *куаро нюлэс* «лиственный лес», *сьод тэль* «тайга», *сурд* «роща», *яг* «бор», *вёл* «подлесок», *пушьет* «поросль» и т. д.);

3) обозначения болотного ландшафта (*нюр* «болото», *тульк* «верховое болото», *пукыл* «низинное болото», *нюлэстэм нюр* «безлесное болото», *ардо* «трясина») и так далее. Каждая из перечисленных микросистем, в том числе и лексика лугового ландшафта, имеет отличительные признаки, свою структурную организацию, обладает индивидуальным составом объектов номинации и предназначенным для их обозначения набором лексических единиц.

К изучению темы «Ландшафтная лексика» в пермском языкознании приступили совсем недавно. Первые результаты исследований в данной области, проведенные на материале коми языков, к настоящему времени опубликованы в трех статьях [1; 2; 3].

Цель исследования: выявить системные признаки, отличающие обозначения лугового ландшафта от других компонентов лексики суши удмуртского языка, определить состав исследуемой группы названий и провести ее систематизацию, установить истоки и основные этапы формирования и развития данной микросистемы.

Материалы и методы

Предметом исследования в работе являются обозначения лугового ландшафта удмуртского языка. Данная группа состоит из 43 лексических единиц, относящихся к 26 объектам номинации. Основным источником фактического материала послужил словарный состав удмуртского литературного языка, содержащийся в лексикографических изданиях¹.

Дополнительные данные нами получены в результате опроса некоторых носителей удмуртского языка по специально созданному для этого вопроснику. Подавляющее большинство анализируемых ландшафтных обозначений относятся к удмуртскому литературному языку. Что касается диалектных слов, в работе рассматриваются лишь те из них, которые включены в нормативные словари современного удмуртского языка, например такие, как: *алан* диал. «лесная поляна, лужайка (в лесу)»², *атлан* диал. «луг, лесная поляна, лужайка (в лесу)»³, *зон* диал. «луг»⁴, *кучос* диал. «поляна, лужайка (в лесу)»⁵.

Сопоставительные примеры приводятся из словарей коми языков⁶. Диахроническая классификация

¹ Борисов Т.К. Удмурт кыллокам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. 384 с.; Русско-удмуртский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1360 с.; Системно-тематический русско-удмуртско-коми словарь / под общ. ред. Р.Ш. Насибуллина. Сыктывкар, 2007. 154 с.; Удмуртско-русский словарь. Ижевск : РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с.; Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathi mit Glossar. Helsingfors, 1901. 134 s.; Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1987. 421 s.

² Удмуртско-русский словарь. Ижевск : РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с. С. 38.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 230.

⁵ Там же. С. 363.

⁶ Коми-пермяцко-русский словарь. М. : Рус. яз. 1985. 624 с.; Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар : Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1993. 288 с.; Коми-роч кывчукор. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.; Русско-коми словарь. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.

исконной части анализируемой лексики произведена с использованием реконструкций из этимологических источников¹.

Состав названий иноязычного происхождения ландшафтных названий и их количество устанавливается с помощью исходных слов, выявленных нами из соответствующей литературы и словарей по тюркским языкам².

Системный анализ лексики лугового ландшафта удмуртского языка в работе проводится с использованием как диахронических, так и синхронных методов лингвистического исследования: сравнительно исторического, сопоставительного, описательного, статистического, семантического и структурно-словообразовательного.

Результаты исследования и их обсуждение

По своему семантическому содержанию группа удмуртских обозначений лугового ландшафта неоднородна, она состоит из моносемантических и полисемантических названий. Названия первой категории имеют одно значение, относящееся к одному ландшафтному объекту или указывает на один из признаков, которыми он обладает: *возь* «луг», *турын* «трава», *кырал инты* «поляна», *му́чо возь* «кочковатый луг», *нёжал возь* «низменный луг», *нюромем возь* «заболоченный луг», *пудо возён инты* «пастбище», *чошкыт возь* «равнинный луг», *шур дурысь возь* «прибрежный луг» и так далее. Полисемантические названия обладают несколькими значениями, указывающими на два объекта номинации: *гуждор* – 1. лужайка, 2. трава, *куш* – 1. поляна, 2. лужайка (в лесу), *ожо* – 1. трава, 2. дёрн и так далее. Семантический анализ также показывает, что все без исключения обозначения лугового ландшафта представляют собой названия с прямым значением: *векчи куако возь*

¹ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар : Коми кн. изд.-во., 1999. 430 с.; Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск : НИИ при СМ УАССР, 1988. 240 с.; Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Band 1–2. Budapest, Akademiai Kiado, 1988. 906 s.; Uotila T.E. Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938. 191 p.; Wichmann Y. Etymologisches aus den permiscvhen Sprachen. FUF XVI. Helsinki, 1923–1924. S. 185–212.

² Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. 171 с.; Башкирско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 804 с.; Русско-башкирский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 600 с.; Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. М. : Рус. яз., 1984. 736 с.

«луг, поросший мелким кустарником», (букв. с мелкими кустами луг), *вольыт возь* «гладкий луг» (вольыт «гладкий», возь «луг»), *Зёч турыно возьёс* «тучные луга» (букв. с хорошим травостоем луга), *му́чо возь* «кочковатый луг» (*му́чо* «кочковатый, с кочками»), *нюромем возь* «заболоченный луг» (*нюромем* «заболоченный»), *шур дурысь возь* «прибрежный луг» (*шур дур* «берег реки») и так далее. Особенностью исследуемой микросистемы является то, что названия с переносным значением здесь отсутствуют, которые в других группах ландшафтной лексики имеются. В качестве примера можно привести следующие рельефно-ландшафтные обозначения: *жилыы* «хребет, горная цепь», ср. *жилыы* «цепь, цепочка», *мукабан* «возвышенность; бугор; холм», букв. земляной стог, ср. *кабан* «скирда (сена, соломы)», *тэбетэй выр* «бугор, круглый холм», букв. тубетейка-возвышение, ср. *тэбетэй* «тубетейка» и так далее.

Исходя из предметно-понятийного содержания удмуртских названий лугового ландшафта все обозначения данной категории можно распределить по нескольким группам.

Часть названий в удмуртском языке употребляется для обозначения различных типов объектов номинации: *возь* «луг», *гуждор* «лужайка», *кушал* «лужайка (в лесу)», *кырал* «поляна» и так далее.

Следующие обозначения указывают на соответствующие рельефные особенности объекта номинации: *гурезь возь* «горный луг», *улыг возь* «низменный луг», *чошкыт возь* «равнинный луг» и так далее.

Названия, отражающие почвенные особенности и специфику растительного покрова объекта номинации: *Зёч турыно возьёс* «тучные луга», *лэг* «сырой кочковатый луг», *луо выл кёс возь* «сухой песчаный луг», *му́чо нюр возь* «сырой кочковатый луг», *нюромем возь* «заболоченный луг», *векчи куако возь* «луг, поросший мелким кустарником» и так далее.

Названия, смысловое содержание которых связано с местонахождением или с каким-либо признаком, обусловленным кратковременным состоянием объекта номинации: *шур дурысь возь* «прибрежный луг», *шур нёжалысь возь* «луг в долине реки», *шур йыл возь* «верховой луг», *ву улэ шедьылйсь возь* «заливной луг», *кыр* «поляна в лесу» и так далее.

Названия, указывающие на хозяйственное предназначение объекта номинации: *пудо возён инты* «пастбище, пастбищный луг», *пудо возьман*

инты «пастбище, пастбищный луг», *турын возьёс* «сенокосные угодья», *турнан возь* «сенокосный луг» и так далее.

В составе лексики лугового ландшафта удмуртского языка подавляющее большинство номинативных единиц представляет собой исконные обозначения. Древний пласт названий, пусть и в незначительных количествах, состоит из слов допермского и общепермского происхождения. К допермскому фонду обозначений лугового ландшафта относятся три примера, унаследованные из уральского и финно-пермского праязыков. Обозначения прафинно-угорского происхождения здесь отсутствуют.

К числу слов, возникших в прауральском языке, просуществовавшем до 4 тысячелетия до н. э.¹, в составе исследуемой микросистемы пермских языков относится лишь одно слово: кз. *луд* «лужайка, пастбище», кп. *луд* «лужайка; поляна; пастбище; дёрн», удм. *луд* «поле» < общеп. **lud*- «выгон; луг»² < ур. **lamte* «низменность» [8, с. 235]. Генетические соответствия имеются в финском, эстонском, марийском, ненецком, энецком, селькупском языках. Рассмотренные выше слова пермских языков свидетельствуют о том, что они начали употребляться в качестве обозначения лугового ландшафта лишь после образования прапермского языка-основы.

Остальные два слова унаследованы из финно-пермского праязыка, приурочиваемого к периоду с конца III тысячелетия до середины II тысячелетия до нашей эры.

1. Удм. *куш* «поляна, лужайка (в лесу)», кз. *куш* «поляна, полянка», кп. *кушин* «поляна» < общеп. **kuš* «голый, обнаженный»³ < ф.-п. **kuš* «голое место» [8, с. 678]. В качестве генетических дальнеродственных соответствий приводятся слова из мордовских языков.

2. Удм. *турын* «трава», кз. *турун* «трава», кп. *турун* «трава» < общеп. **turin* «трава»⁴ < ф.-п. **tarna* «трава» [8, с. 792]. Соответствия приводятся из финского и эстонского языков. Предполагают [8, с. 792]⁵, что эти древние названия, сохранившиеся в современных пермских и некоторых прибалтийско-финских языках, являются

не исконными словами, а заимствованиями финно-пермской эпохи, имеющими древнеиранское или древнеиндийское происхождение.

Отдельную группу древних слов составляют названия общепермской эпохи, которые появились до VIII века нашей эры [7, с. 49], после распада прафинно-пермской языковой общности и в результате образования прапермского языка-основы:

1. Удм. *возь* «луг, покос», кз. *видз* «луг, покос, пожня», кп. *видз* «луг, покос, пожня» < общеп. **vžž'* «луг»⁶.

2. Удм. *ожо* «трава, дёрн», кз. *эжа* «дёрн; луг; лужайка», кп. *ежа* «дёрн» < общеп. **žž* «дёрн; луг»⁷.

Особенностью прапермских обозначений лугового ландшафта является то, что они употребляются только в современных пермских языках и дальнеродственных соответствий не имеют. Номинативные единицы данной группы, как и названия предыдущих эпох, являются не мотивированными однословными образованиями.

По своему происхождению самый поздний слой составляют собственно удмуртские обозначения лугового ландшафта, появившиеся после отделения удмуртов от предков коми. Данная категория названий употребляется только в речи носителей современного удмуртского языка, на территориях проживания других родственных народов они отсутствуют.

В составе собственно удмуртских обозначений структурно различаются однословные названия, двучленные образования в слитном написании и составные конструкции.

Группа однословных названий состоит из непроизводных и производных слов. Непроизводные обозначения состоят из корневой морфемы и не имеют иных морфологических элементов, например *зон* «луг», *лёс* «сырой кочковатый луг». Однословные производные названия имеют в своем составе не только корневую часть, но и другие морфемы. Все удмуртские производные обозначения лугового ландшафта являются суффиксальными образованиями. Система словообразовательных морфем данного структурного типа состоит из трех суффиксов: *-ос*, *-ак* и *-ал*.

Суффикс *-ос* использован для образования слова *куёс* «поляна; лужайка (в лесу)»⁸. В качестве

¹ Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с. С. 409.

² Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 1999. 430 с. С. 163.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 55.

⁷ Там же. С. 331.

⁸ Удмуртско-русский словарь. Ижевск: РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с. С. 363.

производящей основы, видимо, послужил глагол *кучаны* «пестреть (запестреть) проталинами»¹. Суффикс *-ос* сопоставляется с коми *-ас* и считается состоящим из двух частей: *-о (-а)* и *-с*, второй элемент возводится к прауральскому **-ks* [5, с. 155].

Суффикс *-ак* также представлен одним примером: *гужак* «лужайка, покрытая дёрном»². О производности данного слова, несмотря на то, что его корневая часть в современном удмуртском языке самостоятельно не употребляется, свидетельствует лексема *гуждор* «лужайка; трава»³, образованное путем слияния первой части *гуж-* с послелогом *дор*.

Суффикс *-ал* содержится в составе двух примеров: *кушал* «поляна; лужайка (в лесу)» и *кырал* «поляна (в лесу)», их корневые части имеют самостоятельное употребление, ср. *куш* «поляна; лужайка (в лесу)»⁴, *кыр* «поляна (в лесу)»⁵. Данный суффикс встречается в других разрядах удмуртской лексики, например, в составе метеонима *жомал* «сумерки» [4, с. 229], а также в слове *юмал* «пресный», в качестве соответствий, имеющих аналогичную структуру, приводятся коми-зырянское *юмов* «сладкий», *варов* «разговорчивый», *винёв* «гибкий; живучий» [5, с. 171].

К группе двучленных названий в слитном написании в составе лексики лугового ландшафта относятся два примера: *возьвыл* «луг, покос»⁶, *гуждор* «лужайка, трава»⁷. Первое обозначение состоит из двух слов: *возь* «луг, покос»⁸ и послелог *выл*⁹. В словаре удмуртского языка 1983 года издания данное ландшафтное обозначение дается как свободное словосочетание: *возь выл* «луг, покос»¹⁰. Вторая часть *-дор* названия *гуждор* также является послелогом, имеющим пространственное значение.

Составные обозначения в системе обозначений лугового ландшафта представляют собой двух-, трех и четырехчленные конструкции.

I. Двучленные названия образованы по трем структурным моделям.

¹ Удмуртско-русский словарь. Ижевск : РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с. С. 363.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 363.

⁵ Там же. С. 377.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Там же. С. 171.

⁸ Там же. С. 230.

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М. Вахрушева. М. : Рус. яз. , 1983. 592 с. С. 88.

1. Структурная модель «существительное + существительное»: *гурезь возь* «горный луг» (*гурезь* «гора», *возь* «луг»), *кушал инты* «лужайка» (*кушал* «поляна», *инты* «место»), *кырал инты* «поляна» (*кырал* «поляна», *инты* «место»), *турын возь* «сенокосное угодье» (*турын* «трава», *возь* «луг»), *нёжал возь* «низменный луг» (*нёжал* «низменность», *возь* «луг»), *улыг возь* «низменный луг» (*улыг* «низменность», *возь* «луг») и так далее.

2. Структурная модель «прилагательное + существительное»: *вольыт возь* «гладкий луг» (*вольыт* «гладкий» + *возь* «луг»), *муҷо возь* «кочковатый луг» (*муҷо* «кочковатый» + *возь* «луг»), *нюро возь* «болотистый луг» (*нюро* «болотистый», *возь* «луг»), *ҷошалэс возь* «равнинный луг» (*ҷошалэс* «равнинный» + *возь* «луг»), *ҷошкыт возь* «равнинный луг» (*ҷошкыт* «ровный, плоский» + *возь* «луг») и так далее.

3. Структурная модель «причастие + существительное»: *нюромем возь* «заболоченный луг» (*нюромем* «заболоченный», *возь* «луг»), *турнан возь* «сенокосный луг» (*турнан* «скашиваемый», *возь* «луг»), *турнан инты* «покос» (*турнан* «скашиваемый», *инты* «место»).

Как показывают рассмотренные выше примеры, составные части двучленных названий относятся к трем частям речи – к существительным, прилагательным и причастиям.

II. Составными названиями из трех слов являются 10 примеров. Обозначения данной группы образованы по следующим моделям.

1. Структурная модель «существительное + существительное + существительное»: *шур йыл возь* «верховой луг» (*шур* «река», *йыл* «верховье», *возь* «луг»), *шур нёжалысь возь* «луг в долине реки» (*шур* «река», *нёжалысь* «в низине», *возь* «луг»).

2. Структурная модель «прилагательное + прилагательное + существительное»: *векчи куако возь* «луг, поросший кустарником» (*векчи* «мелкий», *куако* «кустарниковый (с кустами)», *возь* «луг»), *зеч турыно возь* «тучный луг» (*зеч* «хороший», *турыно* «травяной (с травой)», *возь* «луг»), *муҷо кот возь* «сырой кочковатый луг» (*муҷо* «кочковатый», *кот* «сырой», *возь* «луг»).

3. Структурная модель «существительное + причастие + существительное»: *ву басьтон возь* «заливной луг» (*ву* «вода», *басьтон* «затопляемый», *возь* «луг»), *пудо возён инты* «пастбище» (*пудо* «скот», *возён* «содержимый», *инты* «место»),

пудо возьман инты «пастбище» (*пудо* «скот», *возьман* < *возьманы* «пасти», *инты* «место»).

4. Структурная модель «прилагательное + существительное + существительное»: *му́чо нюр возь* «сырой кочковатый луг» (*му́чо* «кочковатый», *нюр* «болото», *возь* «луг»).

5. Структурная модель «существительное + послелог + существительное»: *шур дурьсь возь* «луг в долине реки» (*шур* «река», *дурьсь* «при», *возь* «луг»).

III. К группе составных названий из четырех слов относятся два примера, образованные по структурным моделям:

1) «существительное + послелог + прилагательное + существительное»: *луо выл кӧс возь* «сухой песчаный луг» (*луо* «песок», *выл* «над», *кӧс* «сухой», *возь* «луг»);

2) «существительное + послелог + причастие + существительное»: *ву улэ шедьылйсь возь* «заливной луг» (*ву улэ* «под воду», *шедьылйсь* «попадаемый», *возь* «луг»).

Завершая структурно-словообразовательный анализ удмуртских обозначений лугового ландшафта, следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев в их составе в качестве основного компонента выступает слово *возь* «луг», кроме него в некоторых примерах также использовано слово *инты* «место».

Определенную роль в пополнении ландшафтной лексики удмуртского языка сыграл иноязычный компонент. В системе лексики лугового ландшафта представлен лишь один тип заимствований – названия тюркского происхождения. К данной группе обозначений относятся два примера:

1. *Алан* «лужайка»¹, *атлан* «луг»² < тюрк., ср. тат. *алан* «лужайка»³, *алан*, *аклан* «поляна»⁴, башк. *аклан* «поляна, лужайка (лесная)»^{5,6} [6, с. 31].

2. *Кыр* «поляна»⁷ < тюрк., ср. тат. *кыр* «поле, нива»⁸, башк. *кыр* «поле, нива»⁹.

¹ Удмуртско-русский словарь. Ижевск : РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с. С. 38.

² Там же. С. 51.

³ Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. М. : Рус. яз., 1984. 736 с. С.252.

⁴ Там же. С. 442.

⁵ Башкирско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 804 с. С. 29.

⁶ Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск : НИИ при СМ УАССР, 1988. 240 с. С. 76.

⁷ Удмуртско-русский словарь. Ижевск : РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ, 2008. 925 с. С. 377.

⁸ Татарско-русский словарь. М. : «Сов. энциклопедия», 1966. 863 с. С. 310.

Другие типы иноязычной лексики, например, русские заимствования, здесь отсутствуют.

Заключение

Таким образом, впервые в пермском языкознании проведено лингвистическое исследование той части словарного фонда, которая относится к луговому ландшафту. На основе состава объектов номинации и предназначенного для их номинации набора лексических единиц данная группа названий выделена в отдельную микросистему в составе ландшафтной лексики суши.

Обозначения лугового ландшафта в работе рассмотрены наряду с предметно-понятийным содержанием также на семантическом и структурном уровнях. Исследование показало, что удмуртская лексика лугового ландшафта имеет древние истоки. В ней, как и в других разновидностях словарного состава, по своему генезису различаются допермский, общепермский и собственно-удмуртский фонд. Отличительной особенностью допермского фонда является то, что он состоит не из трех, а из двух компонентов, унаследованных из прауральского и прафинно-пермского языков. Названия прафинно-угорского происхождения отсутствуют. Слова, появившиеся в прапермскую эпоху, являются общими для современных пермских языков и дальнеродственных генетических соответствий не имеют. Самый поздний слой исконной лексики лугового ландшафта составляют собственно удмуртские обозначения, которые за пределами проживания удмуртов не употребляются. Структурно-словообразовательная система лексики лугового ландшафта удмуртского языка представлена, кроме однословных производных слов, совпадающих с лексемами древнего происхождения, также производными обозначениями с тремя видами суффиксальных морфем и составными названиями. Многокомпонентные конструкции, состоящие из двух, трех и четырех слов, образованы по 10 структурным моделям с использованием таких частей речи, как существительные, прилагательные, причастия и послелоги.

Не исконная часть лексики лугового ландшафта характеризуется наличием лишь одного типа поздних заимствований, появившихся в удмуртском языке в результате контактирования с представителями соседних тюркских народов.

⁹ Башкирско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 804 с. С. 358.

Сокращения

<i>башк.</i> – башкирский язык,	<i>удм.</i> – удмуртский язык,
<i>диал.</i> – диалектное слово,	<i>ур.</i> – уральский праязык,
<i>кз.</i> – коми-зырянский язык,	<i>ф.-п.</i> – финно-пермский праязык,
<i>кп.</i> – коми-пермяцкий язык,	<i>тат.</i> – татарский язык,
<i>общеп.</i> – общепермский язык-основа,	<i>тюрк.</i> – тюркские языки.

Литература

1. Ракин А.Н. Гидроландшафтная лексика коми языка // Северно-русские говоры. Вып. 17. СПб., 2018. С. 107–122.
2. Ракин А.Н. Гидроландшафтная лексика коми-пермяцкого языка // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 2. С. 252–261.
3. Ракин А.Н. Ландшафтная лексика суши в коми языке (обозначения возвышенностей) // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: сборник по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск : Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 142–146.
4. Ракин А.Н. Метеорологическая лексика удмуртского языка (структурно-словообразовательная система) // *Linguistica Uralica*. № 3. Tallinn, 2018. С. 225–234.
5. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М. : Изд-во АН СССР. 1963. 392 с.
6. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1993. 171 с.
7. Хайду П. Уральские языки и народы. М. : Прогресс, 1985. 430 с.
8. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Band 1–2. Budapest, Akademiai Kiado, 1988. 906 s.
9. Uotila T.E. Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938. 191 p.
10. Wichmann Y. Etymologisches aus den permiscvhen Sprachen. FUF XVI. Helsinki, 1923–1924. S. 185–212.

References

1. Rakin A.N. Gidrolandschaftnaya leksika komiazyka [Hydrolandscape vocabulary of the Komi language]. *Severno-russkie govory* = Northern Russian Dialects, Saint Petersburg, 2018, no. 17, pp. 107–122. (In Russ.).
2. Rakin A.N. Gidrolandschaftnaya leksika komi-permyatskogoazyka [Hydro-landscape vocabulary of the Komi-Permian language]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 252–261. (In Russ.).
3. Rakin A.N. Landshaftnaya leksika sushi v komiazyke (oboznacheniya vozvyshehnosti) [Landscape vocabulary of land in the Komi language (designation of hills)]. *Finno-ugorskii mir v polietnicheskom prostranstve Rossii: kulturnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (Izhevsk, 4–7 iyunya 2019)* = The Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of materials from the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies, (Izhevsk, June 4–7, 2019), UdFRC UrB RAS, Izhevsk, Anna Zelenina Publ., 2019, pp. 142–146. (In Russ.).
4. Rakin A.N. Meteorologicheskaya leksika udmurtskogoazyka (strukturno-slovoobrazovatel'naya sistema [Meteorological Vocabulary in Udmurt (A Structural and Derivational Analysis)]. *Linguistica Uralica*, Tallinn, 2018, no. 3, pp. 225–234. (In Russ.).
5. Serebrennikov B.A. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov [Historical morphology of Perm languages]. Moscow, 1963, 392 p. (In Russ.).
6. Tarakanov I.V. Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi [Udmurt-Turkic language relationships]. Izhevsk, 1993. 171 p. (in Russ.).
7. Haidu P. Ural'skie yazyki i narody [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress Publ., 1985, 430 p. (In Russ.).
8. Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band 1–2. Budapest, Akademiai Kiado, 1988, 906 p. (In German).
9. Uotila T.E. Syrjänische Chrestomathi mit grammatikalischem und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938, 191 p. (In German).
10. Wichmann Y. Etymologisches aus den permiscvhen Sprachen. FUF XVI. Helsinki, 1923–1924, pp. 185–212 (In German).

Статья поступила в редакцию 20.01.2020 г.; принята к публикации 18.02.2020 г.
Submitted 20.01.2020; revised 18.02.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Об авторе

Ракин Анатолий Николаевич

доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории, Коми научный центр УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия, anatolij.rakin@mail.ru

About the author

Anatoliy N. Rakin

Dr. Sci. (Philology), Chief researcher of the Language sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre UrB RAS, Syktyvkar, Russia, anatolij.rakin@mail.ru